

Глава 8

Ночь — не лучшее время для воспитательных бесед. Дождавшись, пока Цзи Яньянь закончит свою сказку, Цзи Чжицю обнял мягкий теплый комочек и погрузился в сон.

Но всю ночь его преследовали кошмары: за ним гнались армии комаров и тараканов, а маленькая лягушка упрямо твердила: «Это два моих лучших друга, они такие милые, почему они тебе не нравятся?»

Утром Цзи Чжицю с трудом открыл глаза, и в голове его все еще звучало это «почему они тебе не нравятся».

Он хотел было уважать детское воображение и непосредственность, но это было выше его сил. Не выдержав, он схватил только что проснувшегося малыша, поставил его перед собой и строгим голосом принялся объяснять, какой вред приносят тараканы и комары.

Цзи Яньянь слушал вполуха, надув щеки и всем своим видом выражая несогласие. Цзи Чжицю, наговорившись до хрипоты, выдвинул ультиматум:

— В этом доме останется кто-то один: либо ты, либо комары и тараканы. И никакие истерики не помогут!

Цзи Чжицю был уже не тем покладистым отцом, что раньше. Цзи Яньянь, подавленный его авторитетом, сдался. Но Лун Аотянь никогда не склоняет голову добровольно. Он лишь робко бросил на отца сердитый взгляд, но тот как раз повернулся и поймал его с поличным.

Отец и сын молча смотрели друг на друга три секунды. Шея Цзи Яньяня постепенно втягивалась в плечи. Надув щеки, он принялся пускать пузыри и подмигивать отцу.

— Не строй глазки, не поможет, — холодно фыркнул Цзи Чжицю.

— Я не строю, — Цзи Яньянь на мгновение замер, а затем в отчаянии топнул ногой. — У меня глаз дергается!

Цзи Чжицю понял, что это отговорка, но не стал его разоблачать.

— Ты запомнил, что я сказал? Комары и тараканы — вредители, а не друзья человека. И не обижайся, если я, увидев их, применю гуманные методы уничтожения!

Цзи Яньянь не понял слов отца, но, почувствовав его строгий тон, неохотно кивнул.

— Ничего, у меня еще есть лягушка.

Это была последняя черта, которую Цзи Чжицю был готов стерпеть. Он промолчал.

Но Цзи Яньянь вошел в раж. Он подбежал к отцу и обнял его за ногу.

— Папа, когда ты заведешь мне лягушку?

— С таким поведением еще и лягушку захотел? — Цзи Чжицю сердито ущипнул его за щеку. — К тому же, твои два брата еще не согласились. Вот когда они вернутся, тогда и поговорим.

Цзи Яньянь продолжал капризничать, но Цзи Чжицю больше не обращал на него внимания и пошел на кухню готовить завтрак.

Ночью он плохо спал и утром решил себя побаловать. Его завтрак был из той самой забегаловки, но завтрак для Цзи Яньяня нужно было готовить самому.

Детская еда должна быть свежей, сбалансированной и без изысков. Цзи Чжицю с гордостью посмотрел на свой паровой омлет.

Гений!

Он вынес завтрак и усадил все еще дующегося Цзи Яньяня в детский стульчик.

Тот, скрестив руки на груди, демонстративно отвернулся, превратившись в пышущий жаром треугольный онигири, у которого даже шеи не было видно.

Цзи Чжицю не стал с ним спорить и принялся настраивать оборудование для стрима.

Вчера количество подписчиков резко выросло, и, несмотря на ранний час, в чате было довольно многолюдно.

[Доброе утро, снова пришел посмотреть на милашку.]

[Всем, кто едет на работу, привет! Я здесь!]

[Глаза не открываются. Вечером будет стрим? Хочу посмотреть вечером.]

— Доброе утро, — с улыбкой поздоровался Цзи Чжицю. — Тяжелого вам рабочего дня. Вечером стрима, скорее всего, не будет, ребенок рано ложится спать.

Поздоровавшись, он подождал, пока еда немного остынет, и повернулся к надутому Цзи Яньяню. Но, в отличие от обычного, он не взял ложку, чтобы его покормить.

— Тебе уже три года, пора учиться есть самому, — сказал он.

Цзи Яньянь, и так обиженный на отца за то, что тот вмешивался в его дружбу, тут же взорвался. Он сжал пухлые ручонки в кулаки и с грохотом принялся колотить по столу, словно неуправляемый робот-уборщик, смахнув на пол вилку и ложку. Затем он уткнулся лицом в стол и принялся дергаться.

Зрители, пришедшие посмотреть на милого ребенка, замолчали.

[Сестренка не обманула. Вчера кто-то говорил, что этот ребенок бывает несносным, я еще думал, насколько. Оказывается, вот настолько...]

[Как ему удастся так легко переключаться между ангелочком и дьяволенком?!]

[Стример, не потакай ему, задай хорошую трепку, иначе он совсем распояшется.]

Но были и те, кто, увидев эту сцену, сжалился и попросил Цзи Чжицю утешить его.

[Ребенок еще маленький, ничего страшного, если покормить его еще несколько раз.]

[Он же растет, если пропустит прием пищи, это серьезно. Не морите ребенка голодом.]

[Родители должны заботиться о детях. Когда он вырастет, вы еще будете скучать по этим временам. Цените момент.]

В чате разгорелся спор: «наказать» или «утешить». Мяч был на стороне Цзи Чжицю.

Он молча смотрел на Цзи Яньяня. Он давно заметил, что сын не умеет контролировать свои эмоции, но научить его этому можно было только постепенно.

Это был первый раз. Он решил подождать, пока Цзи Яньянь выплеснет свой гнев и успокоится. Только осознав свои эмоции, он сможет их исправить.

Прошло целых десять минут. Цзи Яньянь наконец устал. Не услышав голоса отца, он с любопытством и страхом поднял на него глаза.

Цзи Чжицю не выглядел сердитым. Он спокойно спросил:

— Этот омлет очень вкусный. Ты уверен, что не хочешь?

— Не покормишь — не буду есть! — надув щеки, заявил Цзи Яньянь.

— Хорошо, это ты сам сказал, — Цзи Чжицю изменил тон. — Ты не будешь, я буду.

Цзи Яньянь растерянно моргнул. Он опомнился только тогда, когда голова отца оказалась над его тарелкой.

Он с ужасом смотрел, как Цзи Чжицю, даже не протянув руки, сунул лицо прямо в его тарелку. Омлет был очень нежным и таял во рту, его почти не нужно было жевать. Цзи Чжицю с хлюпаньем втянул в себя все содержимое.

Цзи Яньянь не ожидал такого коварства. Он в панике принялся толкать отца в плечо и жалобно звать его, пытаясь воззвать к его отцовским чувствам.

— Папа, это мои яички, не ешь.

Силы ребенка не могли сравниться с силой взрослого. Цзи Чжицю не сдвинулся с места. Цзи Яньянь мог лишь тянуться к тарелке, пытаясь прикрыть ее рукой и отобрать еду у отца. Но, как он ни старался, даже почти повиснув на столе, Цзи Чжицю одним движением головы отбросил его.

На стриме Цзи Чжицю был в маске, и эта сцена выглядела еще более зловеще. Злая апельсиновая голова с разинутой пастью и злобной ухмылкой погрузилась в тарелку и с чавканьем всосала в себя все содержимое. Этот кадр можно было смело делать мемом. В чате царил веселье.

Съев весь омлет, Цзи Чжицю с довольным видом поднял голову и встретился с обиженным взглядом Цзи Яньяня.

Тот так и не попробовал омлета. На его щеке остался лишь маленький кусочек, который случайно отлетел, когда он боролся с отцом.

— Ты... ты... — он вспомнил, как Цзи Чжицю, словно тигр, набросился на еду, и тоненьким голоском обвинил: — Почему ты и меня не съел!

Цзи Чжицю: «...»

Зрители в чате: «...»

Цзи Чжицю первым пришел в себя.

— Ты же сказал, что не будешь есть, — не моргнув глазом, ответил он.

— Я не... — Цзи Яньянь вспомнил, что было до этого, и его голос становился все тише, а уверенность таяла. — Но это были мои яички.

Нос Цзи Яньяня все еще улавливал аромат омлета. Ему стало так обидно. Он потерял свой надутый животик, и его большие глаза постепенно наполнились слезами.

— Папа съел мои яички, Яньянь голодный.

Цзи Чжицю только этого и ждал. Но он все же нарочно протянул:

— Даже если бы у тебя была еще одна порция, ты бы все равно не стал есть сам.

— Стал бы! — Лун Аотянь никогда не сдавался. Он был готов немедленно это доказать.

Но перед ним была лишь пустая тарелка. Его губы скривились, превратившись в волнистую линию, точь-в-точь как у обиженного смайлика.

Цзи Чжицю холодно посмотрел на него и, видя, что момент настал, словно фокусник, достал из-за спины еще одну тарелку с омлетом.

— Тогда попробуй.

Цзи Яньянь удивленно вытаращил глаза, потеряв дар речи. Встретившись с сомневающимся взглядом отца, он вдруг почувствовал прилив негодования и силы.

Раньше его так баловали, что он даже ложку держать не умел. Сейчас он сжал и разжал пухлую ручонку и, неуклюже обхватив всю ручку ложки, с трудом зачерпнул кусочек нежного омлета.

Цзи Яньянь не мог поднять руку и с тревогой смотрел, как омлет вот-вот упадет. Он изо всех сил вытянул губы.

Это была первая попытка Цзи Яньяня, и Цзи Чжицю не хотел вмешиваться, но, видя его неуклюжесть, не выдержал и тактично подсказал:

— То, что между плечами и головой, называется шеей. Не забывай ею пользоваться.

Услышав подсказку, Цзи Яньянь вспомнил, что можно вытянуть шею. Совместными усилиями рта и шеи он наконец-то съел омлет.

Омлет и так был вкусным, но чувство выполненного долга опьянило маленького Лун Аотяня еще больше. И тут Цзи Чжицю добавил ему порцию похвалы.

Он зааплодировал.

— Яньянь такой умный! В три года уже сам ест! Самый умный ребенок в семье!

Цзи Яньянь расплылся в самодовольной улыбке, его спина выпрямилась.

— Но кто-то мне сказал, что даже самый умный ребенок не сможет съесть всю тарелку сам. Интересно, справится ли Яньянь?

Провокация удалась.

— Справлюсь! — громко крикнул Цзи Яньянь.

Цзи Чжицю подпер щеку рукой и с восхищением посмотрел на него. Цзи Яньянь, чтобы доказать свою правоту, с усердием принялся за вторую ложку. Хоть он все еще неуклюже держал ложку, но успешно отправил еду в рот.

Цзи Чжицю картинно ахнул.

— О боже, умный Яньянь съел уже вторую ложку! Он обогнал 30% детей по всей стране! Осталось всего полтарелки. Если он съест все...

Он прикрыл рот рукой, изображая крайнее удивление.

Цзи Яньянь, сам того не заметив, освоил правила этикета. Вытерев рот салфеткой, он самодовольно заявил:

— Я смогу! Я самый-самый умный ребенок!

Под градом похвалы он постепенно потерял рассудок и съел всю тарелку омлета. Он даже потребовал добавки в виде ненавистой ему зелени и с усердием принялся ее есть. Если бы Цзи Чжицю его не остановил, он бы съел еще, чтобы доказать свою правоту.

Зрители в чате наблюдали за всем этим. Цзи Яньянь из «несносного сорванца» превратился в «послушного ребенка, который сам ест». Раздувшись от гордости, он покачивался на стуле, его

глаза превратились в щелочки от улыбки. Независимо от того, что они думали вначале, сейчас все не могли сдержать умиленной улыбки.

[Так вот она, радость воспитания?! Смотреть, как он понемногу становится лучше и послушнее, — это такое счастье.]

[Я тоже в тренде, кибер-воспитание!]

[Стример молодец, так умеет хвалить, что я и сам захотел съесть еще пару тарелок. *смайлик с гордым видом*]

Только те, у кого были дети, могли по-настоящему оценить мастерство Цзи Чжицю.

Раньше мнения зрителей разделились на «наказать» и «утешить». Но ни угрозы, ни уговоры не могли решить проблему в корне.

Цзи Чжицю, съев омлет, показал Цзи Яньняню, что, если он не будет действовать, останется голодным. Затем он дал ему возможность исправиться и щедро похвалил. Цзи Яньнянь, получив вознаграждение за то, что поел сам, почувствовал мотивацию. В следующий раз, даже если Цзи Чжицю не будет его торопить, он поест сам.

Разве Лун Аотянь упустит возможность блеснуть?

Глядя на преобразившегося сорванца, родители в чате, столкнувшиеся с той же проблемой, забросали его вопросами.

[Запомнил, сегодня вечером попробую.]

[Сестры, я как раз кормила ребенка, когда смотрела стрим. Ничего не делала, а мой малыш сам взял ложку и начал есть! И такое же самодовольное выражение лица, как у Яньняня!]

[Поощрительное воспитание — лучшее! Стример, напиши книгу!]

[Умоляю, напиши книгу +1]

— Какая из меня книга, — усмехнулся Цзи Чжицю. — Да и времени у меня нет, есть дела поважнее.

Его старший сын возвращался домой.

<http://bllate.org/book/13428/1195565>